

ВИНОКУРОВА Ирина Юрьевна / VINOKUROVA Irina

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Science

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

irvin@sampo.ru

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТИПОВ ВЕПСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА
(ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)***

**ON THE CHARACTERISTICS OF THE TYPES OF VEPSIAN PEASANT FAMILY
IN LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURY (BASED ON ETHNOGRAPHIC
AND LINGUISTIC MATERIALS)**

Abstract: The article is devoted to the consideration of such an insufficiently researched issue as the types of the Vepsian peasant family in late 19th — early 20th century. To identify the types of Vepsian peasant families of this period, we use information about Vepsian customs and rituals, supplemented with data on terminology and names of villages. It is these sources that give an ethnic colour to the problem of family types. In the Soviet period, the humanities did not develop a common terminology and, consequently, classification of families. The article uses the classification proposed by the English historian Peter Laslett to identify the types of families, which is successfully applied in modern historical demography. Three types of family were found in the sources that existed in the Veps at the end of the 19th — early 20th century: nuclear, extended and composite, representing different stages of family development. One type of complex family was a large family – crowded, with direct and lateral kinship of two or more married couples, which was already rarely observed in the period under review. At the same time, the above-mentioned customs and rites originated in the bowels of the composite family. In general, ethnographic and linguistic sources are auxiliary, indicating only the existence of these types of family in the designated period, but do not give a clear answer to the question of the prevalence of a particular type. The answer to this question can only be given by documentary sources (Zemstvo statistics, reports of rural self-government, volost courts, *etc.*).

Ключевые слова / Keywords: Вепсы, традиционная культура, крестьянская семья, типология семьи, обычаи, ритуалы / The Veps traditional culture, peasant family, the typology of the family, customs, rituals

Семья по праву называется в числе тем, составляющих ядро этнологических исследований. Этой темой всегда активно занимались и представители других гуманитарных дисциплин, имеющих свой особенный арсенал источников, специальных терминов и подходов. В постперестроечный период комплексная наука об институте семьи — фамилистика получила новый мощный импульс в результате бурного развития таких направлений как этнография детства, гендерная история,

---

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ АААА-А18-118030190092-2).

семейная генеалогия, семейный фольклор, которые разрабатывались на примере разных этнических сообществ. В последнее десятилетие произошло серьёзное продвижение в комплексном изучении карельской семьи. На карельском фоне оказались особенно заметными зияющие пустоты в изучении семейной проблематики у вепсов.

Статья посвящена такой малоисследованной проблеме, как типы вепсской крестьянской семьи конца XIX — начала XX в. Обращение к этой проблеме актуально не только в силу неизученности. В ряде случаев оно позволяет объяснить некоторые традиции в современной жизни вепсской сельской семьи (например, связанные с патриархальностью, патрилокальностью, патронимическим расселением и др.).

Впервые вопрос о вепсской традиционной семье и её типологии был затронут довольно эксплицитно в работах В. В. Пименова, который для её характеристики использовал главным образом собственные полевые материалы, собранные во время экспедиций в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Ценность этих материалов бесспорна. Однако для более детального исследования архаических культурных форм, которые уже практически невозможно зафиксировать с помощью сведений современных информантов, необходим учет и других источников. Для этнологов такими источниками могут быть данные о различных сферах традиционной культуры народа, в которых типы традиционной семьи в разных ракурсах могли отразиться.

В настоящей статье для изучения типов вепсской крестьянской семьи конца XIX — начала XX в. к анализу привлекаются сведения об обычаях и обрядах вепсов, обнаруженные в публикациях, архивных и полевых материалах, дополненные данными языковедов по лексике и ойконимии. Именно эти источники придадут этническую окраску вопросу, связанному с типами семьи.

Типами семьи обычно называют семейные модели, выделенные из множества семей по определенным признакам¹. В советский период в гуманитарных науках не были выработаны единая терминология и соответственно типология семей². В этнографии исследователями обычно используется деление семьи на два типа — малую и большую по числу брачных пар³. К малой относятся семьи с одним брачным союзом в основе образования каждой из них. Неслучайно такая семья

¹ Ганцкая О. А. Семья: структура, функции, типы // Советская этнография. 1984. № 6. С. 19.

² Голикова С. В. Теоретические аспекты изучения семьи в научной литературе // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2008. Вып. 9. С. 226–240.

³ Народы России: Атлас культур и религий. М., 2008. С. 310.

получила в науке и другое название нуклеарная (от англ. *nuclear* 'ядерный', *nucleus* 'ядро, ячейка').

Большой семьей называются моногамные семьи с двумя или более брачными парами. Другим названием такой семьи в российской этнологии является термин «неразделенная семья». Большие неразделенные семьи принято делить на *отцовские* (родители с их женатыми и неженатыми детьми и внуками), *братские* (несколько женатых братьев) и *более сложные образования* (дяди с женатыми племянниками и семьи с более сложной структурой)⁴.

К сожалению, не все варианты семейных комбинаций уместаются в эту классификацию. Например, куда отнести семью, члены которой родственники, но не образуют брачных пар? Допустим две сестры (фото 1). Кроме того, границы между двумя типами часто оказывались размытыми.

Фото 1. Двоюродные сестры М. М. Маркова (1919 г.р.) и А. Е. Моисеева (1923 г.р.), проживающие вместе. Фото М. В. Заозерного, с. Мягозеро Подпорожского р-на Ленинградской обл., 2008 г.

⁴ Голикова С. В. Теоретические аспекты... С. 231.

Иногда исследователи расширяли понятие «малая семья», включая в состав малой семьи не только супружескую пару и детей, но и одинокого родителя одного из супругов, т. к. по численности такая семья могла равняться малой⁵. Разнобой в терминах приводил к существенным расхождениям в выводах. До сих пор остается спорным вопрос, какие типы семьи доминировали среди крестьянства дореволюционной России⁶.

В настоящее время исследователи всё чаще обращаются к классификации семейных форм, разработанной на основе типологии, предложенной английским историком Питером Ласлеттом⁷. В ней выделяется пять основных типов семей, в зависимости от ведения общего хозяйства и родственных связей между её членами: 1) семья, состоящая из одного человека; 2) проживающая вместе группа родственников или неродственников, ведущих общее хозяйство; 3) малая или нуклеарная, семья, состоящая только из супругов или супругов с неженатыми детьми; 4) расширенная семья, включавшая супружескую пару с детьми и родственников, не находящихся друг с другом в брачных отношениях; 5) составная семья, состоящая из двух или более супружеских пар. В пятую категорию входят как разновидность и большие патриархальные отцовские или братские семьи, которые включают несколько поколений одного предка, образующих три-пять и более супружеских пар, объединяющих от 15 чел. и больше⁸.

Взяв на вооружение эту классификацию семейных форм, обратимся теперь к материалам по вепсской семье. Как указывают статистические материалы, в конце XIX в. у вепсов доминировала малая по численности семья. По подсчётам С. Б. Егорова, например, средний размер семьи у вепсов Тихвинского уезда Новгородской губернии равнялся 5,5 чел⁹. Судя по нашим подсчетам, сделанным на основе данных из «Списка населенных мест по сведениям 1873 года», средний размер семьи у прионежских вепсов, проживающих в деревнях по берегу Онежского озера,

---

⁵ Власова И. В. Семья // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 366; Смирнов П. Н. Дореволюционная марийская семья и ее быт // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1991. Вып. 20. Межэтнические связи населения Марийского края. С. 97.

⁶ Мионов Б. Н. Новая историческая демография Имперской России: Аналитический обзор современной литературы. Ч. III // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 3. С. 5.

⁷ Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 132–157.

⁸ Мионов Б. Н. Новая историческая демография ... 2007. С. 5.

⁹ Егоров С. Б. Традиционная культура южных вепсов: Дис. ... канд. истор. наук.. Машинопись. СПб., 2014. С. 167.

был выше и составлял 6,2 чел., но и здесь по численности семьи не были большими (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Средний размер семьи у прионежских вепсов¹⁰

Названия населенных мест	Число дворов	Число жителей (чел.)	Среднее число жителей на один двор (чел.)
Деревянский погост	37	185	6
Васильевская (Шокшинский погост)	46	155	5,5
Ишанино	7	32	4,6
Пустошь	4	22	5,5
Залесье	41	176	6,7
Сюрьга	14	74	5,3
Вехручей	36	330	9,2
Габкула	1	5	5
Еремеев Посад	21	135	6,4
Низовская	20	97	4,9
Розмега	11	57	5,2
Каккарово	36	157	4,4
Роп-Ручей	38	269	7,5
Житноручей	36	281	7,8
Рыборецкий Погост	30	195	6,5
Другая Река	71	469	6,6
Каскесручей	60	423	7,1
Кукоев Конец	20	132	6,6
Перваково	10	72	7,2
Гимрека	43	282	6,6
Щелейки	56	419	7,5
Вознесенье	17	68	4
Итого:	649	4035	6,2

Однако ответа на вопрос, каковы были члены этой семьи, статистика нам не даёт. За примерно одинаковыми цифрами могли скрываться разные по типу семьи. Например, А. И. Сеннин приводит описание состава двух семей исаевских вепсов (см. Таблицу 2). Если следовать приведенной типологии, то первая семья

¹⁰ Олонецкая губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 года. СПб., 1879. С. 14–16.

является расширенной семьей (отец, сын с женой, дети), а вторая — малой (супружеская пара и дети).

Таблица 2. Описание состава двух семей исаевских вепсов, данное А. И. Сениным¹¹

Состав	Семья зажиточного крестьянина Ильи Алексеева (8 чел.)	Семья бедного крестьянина Тимофея Степанова (7 чел.)
1 поколение: родители супругов	Отец — 70 лет	
2 поколение: супруги	Илья Алексеев — 45 лет Жена — 45 лет	Тимофей Степанов — 40 лет Жена — 37 лет
3 поколение: дети	Дочь — 19 лет Дочь — 14 лет Дочь — 15 лет Сын — 11 лет Дочь — 6 лет	Дочь — 15 лет Дочь — 12 лет Сын — 10 лет Сын — 7 лет Сын — 3 года

Как показывает Таблица 2, существенным признаком структуры семьи может быть детность — количество детей в семье (без учета умерших). Семьи дифференцируются на бездетные, малодетные и многодетные. Размеры малых семей почти полностью зависели от числа детей. В. Н. Майнов отмечал среди оятских вепсов высокую рождаемость, «чуть ли не превышающую детопроизводительность русских»¹². По его подсчетам, вепсская крестьянка в среднем рожала более восьми детей, но из них выживало только около 58%, т. е. среднее количество детей вепсской крестьянской семьи составляло примерно четыре-пять чел.

По наблюдению известного историка семьи Б. Н. Миронова, сделанному на основе отдельных локальных исследований, «семьи численностью до 5 чел. включительно чаще всего являлись малыми, в 7 и более — составными.

¹¹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Том 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб., 2008. С. 156–157.

¹² Майнов В. Н. Приоютская Чудь (весь-вепсы) // Древняя и новая Россия. СПб., 1877. Т. 30. № 5. С. 22.

Среди последних, с числом членов 11 и более чел., значительная часть, вероятно, относилась к большим семьям»¹³.

Согласно полевым материалам В. В. Пименова, в прошлом у вепсов преобладали большие неразделенные семьи. Как отмечает автор, эти семьи хорошо сохранились в памяти информантов, которых он опрашивал в 1950-е гг. Причём многие из них «сами являлись раньше членами больших семей и могли с подробностями рассказать о структуре, хозяйстве, внутренних взаимоотношениях в большой семье»¹⁴. Если предположить, что информантам на момент опроса было приблизительно 70–80 лет, то, на основе подсчетов их годов рождений, коими были примерно 1870-е и далее годы, можно утверждать, что большие семьи ещё существовали у вепсов на рубеже XIX–XX в. Причём они сохранялись гораздо дольше в чисто вепсских по национальному составу деревнях. Это отмечает В. Н. Майнов, которому принадлежат первые сведения о чудской (=вепсской) семье, опубликованные в 1881 г.: «Случается встретить в Чудской стороне и притом в особенности там, где чудская сторона осталась в наибольшей стороне, т. е. в густо населенных ею Чудью местностях, семьи в 30 и даже более душ: такая семья в оправдание своего нежелания приступить к дележке прямо и бесповоротно говорит, что “слога сильнее Бога”»¹⁵. Далее из описания В. Н. Майнова следует, что у вепсов встречались, как отцовские трехпоколенные семьи, так и братские двухпоколенные. Обратимся к тексту: «Вся семья держится конечно главою, который может быть дедом и при детях и внуках (отцовская семья. — П. В.), старшим дядей при братьях и племянниках и даже иногда конечно довольно редко младшим дядей при старших братьях и племянниках (братская семья. — П. В.)»¹⁶.

Свидетельства о больших семьях можно извлечь и из образцов вепсской речи, записанных российскими лингвистами в 1950–1960-е гг. Приведём один из них в русском переводе: «У моего деда семья была очень большая, двадцать человек. Детей кормили отдельно» (М. И. Иванова, 1897 г.р., запись 1965 г., д. Керчаково Бабаевского р-на Вологодской обл.)¹⁷. Проанализируем эту информацию: если возрастная разница между родителями и детьми равна приблизительно 20 лет и более, дедами и внуками — 40 лет и более, то получается, что дед информанта был рожден где-то в 40–50-е годы XIX в., а семью завел в 1870-е годы, т. е. речь идёт

¹³ Миронов Б. Н. Новая историческая демография ... 2007. С. 18.

¹⁴ Пименов В. В. Поездка к прионежским вепсам // Советская этнография. 1957. № 3. С. 160.

¹⁵ Майнов В. Н. Несторова Весь и Корельские дети // Живописная Россия. СПб.; М., 1881. Т. 1. Ч. 2. С. 510.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л., 1969. С. 202.

о существовании больших семей в 1870–1880-е годы, что и подтверждают приведенные выше сведения В. Н. Майнова и В. В. Пименова, которые, однако, не согласуются с данными статистики.

Или возьмём другой текст, записанный среди южных вепсов: «*Раньше семьи большие (sured) были. <...> ... все вместе жили. Сыновей трое, невесток трое, а хозяин был старик*»¹⁸. Как следует из этого текста, сами вепсы для обозначения неразделенных многолюдных семей применяли название *sured* «большие», по типу они могли быть смешанными семьями с прямым и боковым родством брачных пар.

Какие факторы влияли на длительное существование большой семьи? По мнению Б. Н. Миронова, демографические факторы: в условиях высокой смертности и низкой средней продолжительности жизни болезнь или смерть одного и часто единственного работника в малой семье приводили хозяйство в упадок, в то время как в составной семье потеря одного работника не могла подорвать благосостояние хозяйства¹⁹. Консервации больших семей у вепсов способствовало длительное сохранение подсечно-огневого земледелия вплоть до 30-х гг. XX в.²⁰ Работы, связанные с подсекой, были чрезвычайно трудоемки, и справиться с ними мог только значительный коллектив людей.

К числу критериев, характеризующих типы семьи, относится характер взаимоотношений между членами семьи. По такому признаку вепсская большая семья относилась к авторитарной (в противовес эгалитарной семье, в которой оба супруга занимают равное положение). В авторитарной семье внутрисемейные отношения строились на подчинении детей родителям, младших членов семьи старшим, женщин — мужчинам. Большая семья базировалась на патриархальных началах, поддерживающих полную и безграничную власть отца, подчинение мужу. Все спорные вопросы в семье решали мужчины. Главой семьи был дед или отец, которого окружающие называли *ižand* «хозяин», *iče* «сам», *ikē* «дед». Он пользовался уважением у остальных членов семьи и обладал над ними, в том числе и взрослыми сыновьями, абсолютной властью: распределял членов семьи по работам в хозяйстве, отправлял на отхожие промыслы, решал вопросы купли-продажи, браков, разделов семьи и т. д. Весь семейный этикет подчеркивал авторитет отца. Обедать или пить чай, например, не садились, пока не сел хозяин, или ожидали его за столом, не смея

---

¹⁸ Там же. С. 213.

¹⁹ Миронов Б. Н. Новая историческая демография ... С. 13.

²⁰ Малиновская З. П. Материалы по этнографии вепсов // Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 192; Макарьев С. А. Вепсы: (Этнографический очерк). Л., 1932. С. 9.

начать трапезу²¹. У южных вепсов во время еды хозяин сидел «с полотенцем, завязанным узлом для острастки детей»²².

После смерти главы семьи или в случае его старческой немощи власть переходила к его брату или старшему сыну. Как пишет В. Н. Майнов, «нигде не слышано на Чуди, чтобы хозяйство получила женщина, так как воззрения Чуди на женщин не отличаются особенною охотою признать за бабами равные с мужчинами права»²³. Впрочем, были и исключения из правил. Так, в 1926 г. этнографу Н. С. Розову удалось обнаружить и зафиксировать на фото вепскую большую семью из 19 человек во главе с матерью старухой в д. Анхимовская Лодейнопольского у. Ленинградской губ. (фото 2).

Фото 2. Вепская большая семья во главе с матерью старухой из д. Анхимовская Лодейнопольского у. Ленинградской губ. Фото Н. С. Розова 1926 г. (Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области. СПб., 2017. С. 276)

Главенство мужчин в семье было закреплено экономически, поскольку только мужчинам выделялся земельный надел. По этому поводу среди вепсов были зафиксированы крестьянские суждения о более низком статусе женской души

²¹ Светляк (Фомин) А. В. Песни, обряды, обычаи, причитания, загадки, частушки в Лодейнопольском округе с общим описанием Шимозерского края и быта жителей // Архив Русского географического общества (далее — АРГО). Р. 119. Оп. 1. Д. 344. Тетрадь 8. Л. 3.

²² Материалы Н. Н. Волкова // Архив Музея антропологии и этнографии (далее — АМАЭ). Ф.13. Оп. 1. Д. 16. Л. 12

²³ Майнов В. Н. Несторова Весь и Корельские дети ... 1881. С. 510.

по сравнению с мужской: «*Ende tuga sanuiba: ak om beŋgetoi, uuniiž beŋg*» *akou, ka i hänele man andeižiba*» — «Прежде говорили: у женщины нет души, была бы у женщины душа, то и на нее давали бы землю [надел]»²⁴.

В вепских традиционных представлениях, обычаях, обрядах, фольклоре подчеркивалось подчиненное положение женщины, более низкий ранг по сравнению с мужчиной²⁵.

Лучшее положение в вепской семье, по сравнению с другими женщинами, имела жена хозяина, самое незавидное — невестка. Жена хозяина — *etag* «хозяйка», *ak* «старуха» (соответствующая *большухе* в русской семье) руководила женщинами, занятыми домашним хозяйством: уходом за крупным и мелким рогатым скотом, птицей, изготовлением тканей и одежды, уборкой дома и двора. Утром *etag*, встав чуть свет, будила на работу невесток и затапливала печь. Её главной функцией, по выражению одного из наших информантов, было «командовать котлом». Наблюдавший семейный быт исаевских вепсов А. И. Сенин писал: «Старшая женщина в семье — стряпуха; это почетная и ответственная должность», которую она разве с бою уступала снохе, даже превосходящей первую в кулинарном искусстве. Большуха и младшие женщины в семье накрывали на стол: стелили скатерть, клали ложки, соль, нож, иногда вилки, и приглашали мужчин садиться²⁶.

Важная роль *etag* в доме отразилась во многих семейных и хозяйственных обрядах. Массовое обследование вепсов З. И. Строгальщиковой²⁷ и полевые материалы автора этой статьи показывают, что институт сельских повитух у вепсов развит не был. Как следует из рассказов информантов, в расширенной или составной семье эти функции чаще всего выполняла свекровь. Свекровь с невесткой, у которой начинались роды, удалялись (обычно в тайне от всех членов семьи) в хлев — наиболее распространенное родильное место у вепсов, подполье или баню. В обрядах, сопровождающих появление ребенка на свет, *etag* выступала в роли прародительницы семьи. Она первая брала на руки новорожденного члена семьи, вносила его в избу, проводила над ним комплекс обрядов очищения и социализации. Интересные сведения о родах в бане у вепсов в с. Корвала Тихвинского уезда Новгородской губернии, датируемые 1922 г., приводит учитель А. А. Киселев. Эти сведения оказались резко отличающимися от остальной вепской территории. В родовспоможении участвовала не свекровь (что составляло

²⁴ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972. С. 114–115.

²⁵ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015. С. 65–66.

²⁶ Русские крестьяне... 2008. С. 153–154.

²⁷ Строгальщикова З. И. Материалы по родильной обрядности вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 98.

характерную черту вепсской традиции), а местная повивальная бабка. А. А. Киселев так описывает подготовку к родам в бане: «Беременная женщина, почувствовав роды, начинает топить баню, а муж тихонько, чтобы никто не знал, идет к бабке»²⁸. Упоминание при подготовке к родам только роженицы и её мужа заставляет выдвинуть предположение, что повивальную бабку могли звать принимать роды в семье, в которых не было свекрови, и таковыми, чаще всего, являлись малые семьи.

Вепсская большая семья была патрилокальна — местом поселения брачных пар всегда являлся родительский дом мужа. Здесь важно подчеркнуть общую особенность, характерную для крестьянской семьи России, в отличие от некоторых западноевропейских стран, отмеченную австрийским учёным М. Миттерауером и российским исследователем А. Каганом: «Вступив в брак, молодая супружеская пара инкорпорировалась в состав уже имеющейся родительской семьи, а не образовывала собственную»²⁹; таким образом, молодожены практически всегда начинали свою совместную жизнь в неразделенной семье, а не отдельно от родителей в нуклеарной семье, как это было в некоторых странах Запада. Неразделенная семья защищала их от материальных трудностей. Как писала В. Р. Свечкарева, при такой ситуации в брак вступали в очень раннем возрасте, и, по сути дела, молодухи приобретали не столько супруга, сколько новых родителей³⁰. Момент вливания малой семьи в состав неразделенной нашел яркое отражение в вепсских обязательных, отличающихся локальной вариативностью, обрядах встречи новобрачных родителями жениха — «новыми родителями» на пороге дома. Например, у шимозерских и оятских вепсов при входе происходило первое кормление «детей» «родителями»: им давали откусить один пирог *koкак* (ржаной, с острыми краями пирог), одну ковригу хлеба, поили молоком из одного горшка³¹. Даже при распространившихся после революции браках «самоходкой» парень приводил девушку не куда-либо, а в дом своих родителей. Так, А. Борисова описала случай, происшедший в 1923 г. в с. Пондале Марковской вол. Белозерского уезда Новгородской губернии. Туда на праздник верхом на коне приехала девушка из соседнего Сяргозера. Она целый вечер гуляла с сыном мельника, а на другой день вся деревня говорила о приехавшей к мельникову сыну самоходке³².

²⁸ Киселев А. А. «Техника в чухарском быту»: Архив Российского этнографического музея (далее — АРЭМ). Ф. 2. Оп. 2. № 37. Л. 62.

²⁹ Цит. по: Голикова С. В. Теоретические аспекты ... С. 234.

³⁰ Свечкарева В. Р. Дихотомия Запад-Восток в контексте брачной морали // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2005. № 5 (28). С. 97. С. 91–100.

³¹ Этнографическое описание жизни, быта, обычаев чухарей, составленное А. В. Лесковой (1902–1903): АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 373. Л. 47.

³² Борисова А. А. Взаимоотношения полов у чухарей // Старый и новый быт. Л., 1924. С. 64.

С началом брака всегда в составной или расширенной семье связан и унижительный институт примачества у вепсов. Одной из причин прихода примака являлось отсутствие в доме сыновей. Если в семье было несколько дочерей, то в таком случае замуж за примака выдавали старшую дочь. В семье и деревне ей сочувствовали: «Хороший мужик мог бы на дочери жениться». Также в примачи шли обычно тогда, когда земли в своей семье не хватало на всех сыновей: «*Сын в сыновья пошел к соседу. Пошел, потому что земли мало было*»³³. При этом самый старший сын никогда не становился примачом. Зятя принимали и в том случае, если он был бедняком, сиротой или не имел своего угла, вернувшись с длительной военной службы. «*Пришёл на готовую жизнь*», — часто попрекали примака, у которого не было никакой собственности. Зависимость примака нашла отражение в вепских обычаях. Например, когда зимой зять отправлялся в лес на заготовку дров, он брал острый топор из саней тестя в знак того, что у него нет ничего своего. Если еды в доме жены не хватало, то зять по возможности ходил есть в родной дом³⁴. В вепской пословице тяжелая жизнь примака в чужой семье сравнивалась с лежанием на острых зубьях бороны: «*Void magata sügužön šorpiš, siloi void mända kodavävük*» — «[Если] можешь проспать осеннюю ночь на зубьях бороны, то можешь идти в примачи» (Ладва)³⁵. «*Kodavävüks mända kut sügužen öi magata*» — «Примачом стать как осенней ночью на бороне спать», — говорили деревенские мужики и, по возможности, отказывались от этой участи³⁶. В то же время к зятю могли относиться и как к сыну. Отношение к нему зависело от ситуации, связанной с его приходом в дом, и характеров, как примака, так и остальных членов семьи.

Если примака брали из другой деревни, то отцу девушки нужно было получить разрешение от мужчин деревни. Они могли отказать, если пахотных земель в деревне было мало. По обычаю примак, когда он прибывал в чужую деревню, обязан был купить вина и угостить им мужиков, чтобы они приняли его³⁷.

Если отец девушки был богатый, примак часто брал его фамилию. Ю. Перттола описан случай, который произошёл в Рыбреке: парень согласился стать примачом и пришёл в дом девушки, так как ему обещали дать фамилию богатого тестя. Но отец девушки своего обещания не сдержал, тогда он ушёл³⁸.

³³ Хямяляйнен М. М. Сохранившиеся материалы первой лингвистической экспедиции 1931 г. // Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1. Л. 67.

³⁴ Suomalaisen kirjallisuuden seuran arkisto (Архив Финского литературного общества, далее — SKS:n arkisto): Perttola J. E 252. S. 159–161.

³⁵ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. С. 656.

³⁶ SKS:n arkisto. Perttola J. E 252. S. 169.

³⁷ Ibid. S. 163.

³⁸ Ibid.

В вепсской деревне такой муж навечно получал пренебрежительное прозвище примака — *kodavänu*. Ещё в экспедициях начала XXI в. автору этих строк неоднократно приходилось замечать, как информанты, рассказывая о каком-нибудь жителе деревни, никогда не забывали при его характеристике упомянуть такой признак как *kodavänu*, если он имелся. Вызывает интерес термин *kodavänu*, который представляет собой сложное слово (*koda* + *vänu* «зять»), имеющее древнее финно-угорское происхождение. *Koda* в настоящее время у вепсов называют курятник³⁹, но это значение представляется явно вторичным хотя бы уже потому, что куроводство у вепсов появилось довольно поздно. У ряда финно-угорских народов слово, соответствующее вепсскому *koda*, сохранило более раннее значение — «изба, дом», ср.: вод. *kōta* «изба», эст. *koda* «избушка, дом, комната», лив. *kuoda* «постройка, сооружение, дом», морд. *kudo*, *kud* «дом, изба» и др. По мнению лингвистов, слово *koda* имеет генетическую связь с термином *kodi*, который у карелов и вепсов переводится как «дом»⁴⁰. Отсюда *kodavänu* можно перевести как «домашний зять». Этот термин отражает исключительное явление при патрилокальном поселении брачной пары — зятя, который живёт в доме, а не как обычно, за его пределами. Аналогичное название было распространено и у других финно-угорских народов, ср.: фин. *kotivävy*; сев. кар, ливв., люд. *kodavävi*; эст. *kodaväi*; саам. *kuotvívva*; морд. *kudov*⁴¹. Этот же смысл имеют и названия *домовик* у русских, *домовицик* у поморов, *домазет* у сербов⁴².

При разрастании семьи хозяин принимал решение об отделении женатых сыновей. Судя по источникам, обычно сегментация происходила в форме выдела из большой семьи одной малой, в то время как остальные продолжали жить вместе. Первым выделяли старшего брата с семьей. Отец вместе с остальными членами семьи строил ему дом и отдавал небольшую часть земли. Об этом достаточно убедительно говорит текст, обнаруженный образцах вепсской речи, записанных лингвистами: «*Старик строил дом наготово, когда [надо было] отделять сына. Кто старший, [того] надо отделить. Младшие еще вместе ('с самыми') живут, а старшему все вместе строят дом наготово*» (южные вепсы)⁴³. По мере разрастания семьи в дальнейшем могли выделяться и другие сыновья, за исключением младшего. У вепсов соблюдался обычай минората, по которому родители обычно оставались жить вместе с младшим сыном, получавшим от них в наследство дом

³⁹ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. С. 213.

⁴⁰ Suomen kielen etymologinen sanakirja. V. II, 1958. S. 224.

⁴¹ Ibid. S. 224.

⁴² Гура А. В. Брак // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 246.

⁴³ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. С. 213.

и становившимся их кормильцем в старости. Эта стадия в развитии вепсской большой семьи нашла отражение в южновепсском термине *söt'ilaps»* (*sötä* «кормилец» + *laps»* «ребенок»), которым назывался младший сын в семье, содержащий родителей⁴⁴. Тип такой составной семьи нам приходилось довольно часто встречать в вепсских деревнях во время экспедиционных исследований ещё в конце прошлого столетия (фото 3). Он, как широко распространенный в конце XIX в., отмечался И. В. Власовой у восточнославянских народов и И. Н. Смирновым у марийцев⁴⁵.

Фото 3. Семья Сидоровых: родители, живущие в одном доме с младшим сыном и невесткой. Фото И. Ю. Винокуровой, с. Пяжозеро Бабаевского р-на Вологодской обл. 2001 г.

Молодая семья, отделившись от родительской, строилась либо в своей же деревне рядом с отцовским домом, либо на новом месте в некотором отдалении, давая тем самым начало новой деревне. Границы такой деревни в результате дальнейших выделов большой семьи, как правило, очерчивали группу семей, объединенных родственными отношениями и представляющую патронимию. Деревня получала название, в основе которого лежала фамилия родственных семей. Например, в Шокшинское гнездо входили деревни под названиями *Buřakobn»* (Бушаковская по фамилии жителей Бушаковых), *Görč* (Герч по фамилии жителей

⁴⁴ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. С. 540.

⁴⁵ Власова И. В. Семья // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 366; Смирнов И. Н. Дореволюционная марийская семья ... С. 97.

Герчиных), *Pinč* (Пинжаковская по фамилии жителей Пинжаковых), *Vasilišt* (Васильевская по фамилии жителей Васильевых), *Voinikišt* (Войникишт по фамилии жителей Войниковых). Как отмечает И. И. Муллонен, образование названий деревень (ойконимов) происходило в результате присоединения к антропонимам собирательных (*-išt*, *-veh*) или множественных (*-d*) суффиксов, выполняющих своеобразную объединительную функцию и указывающих на родство деревенских жителей⁴⁶. Например, названия деревень *Mišukveh* (Мишуковы), *Zinkveh* (Зинковы), составляющие поселение Другая Река, или д. *Habukad* (Габуковы, русск. Ястребовы), входящая в Шёлтозеро Прионежского р-на Республики Карелия. З. П. Малиновская, побывавшая в 1926 г. у оятских вепсов, привела примеры родовых деревень Озерского сельского общества Лодейнопольский у. Ленинградской губ. (Таблица 3).

Таблица 3. Родовые деревни Озерского сельского общества⁴⁷

Официальное название деревни	Народное название деревни	Состав	Количество
Андреевская	Самаковы	Состоит из рода Самаковых	7 домохозяев
Башмаковская	У Марка Ильича	Состоит из рода Артепкиных	6
Коковичи	Егоровы или Заречье	Состоит из рода Егоровых	9
Титовская	Аксеновы	Состоит из рода Аксеновых	11

По сведениям В. В. Пименова, ещё в 80–90-е гг. XIX в. браки между жителями такой деревни были запрещены⁴⁸. Эта традиция сохранялась в 1920-х гг. Об этом свидетельствует проведенное мной в 1991 г. исследование родственных связей вепсов Прионежья, которое показало, что в это время браки чаще всего заключались между жителями 1) соседних гнезд деревень (например, с Рыбрека поддерживало такие связи с Каскесручем, Залесьем, Володарским, Другой Рекой); 2) между жителями деревень, входившими в одно гнездо (например, браки между жителями

⁴⁶ Муллонен И. И. Ойконимия прионежских вепсов // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 55–56.

⁴⁷ Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов // Западнофинский сборник. Л., 1930. Вып. 16. С. 186.

⁴⁸ Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.–Л., 1965. С. 264.

деревень Средьволость, Васильевская, Кара, находящихся в составе гнездового поселения Шокша). Совсем редки были браки внутри одной деревни⁴⁹.

В настоящее время почти в любой вепсской деревне можно встретить живущих неподалеку друг от друга однофамильцев, наличие которых отражает историю семейных разделов, но сами они зачастую уже не могут определить точно в каких родственных отношениях находятся. Например, три рядом стоящих дома однофамильцев Самаковых в Озерском кусте деревень, Павловы в д. Погост (Ладва) Подпорожского р-на Ленинградской обл., Тришкины в д. Красная Гора (Пяжозеро) Бабаевского р-на Вологодской обл. Многие вепсские деревни стремительно умирают. Поэтому возможность определить фамилии родственных коллективов, которые здесь проживали, даёт посещение вепсских сельских кладбищ.

Для каждой выделившейся семьи было характерно поддержание тесных связей с родственниками, живущими отдельно, особо ярко проявляющимися во время праздничной гостьбы⁵⁰ и свадеб. Достаточно убедительно об этом говорит, например, состав сватов, в который обычно входили отец парня, его крестный, дяди, женатые старшие братья, иногда их жены, порой до десяти человек⁵¹. Замужество дочери обязательно обсуждалось на совете родственников, который носил особое название *dut* «дума».

Все группировки крестьянских семей по типам дают представление о семейной организации крестьянства на момент группировки, т. е. в статике⁵². Но каждая семья была живым организмом. Впоследствии каждая семья развивалась по собственному сценарию: одни семьи уменьшались за счёт выхода дочерей замуж или смерти её членов, другие - могли увеличиться после женитьбы сыновей и на какое-то время стать большими. Как отмечает Б. Н. Миронов, «при нормальных условиях малая, расширенная, составная или большая семьи на самом деле представляли собой *отдельные стадии в жизненном цикле крестьянского хозяйства*»⁵³.

Но наступил момент, когда процесс регенерации больших семей из малых у вепсов прекратился. Судя по утверждению В. В. Пименова, это началось со второй половины XIX в. Отдельные неразделенные семьи дожили до конца 1920-х гг. Уже в предреволюционные годы около половины семей составляли малые семьи⁵⁴. Огромную роль в этом сыграл рост отходничества. Работавшие по найму мужчины-вепсы возвращались домой с заработанными деньгами, значительно превышающими доход всей семьи. У них зрело недовольство властью хозяина-

⁴⁹ Винокурова И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX — начало XX в.). Петрозаводск, 1996. С. 66–72.

⁵⁰ Там же. С. 39–46.

⁵¹ SKS:n arkisto. Perttola J. E 252. S. 10.

⁵² Миронов Б. Н. Новая историческая демография ... С. 12.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Пименов В. В. Вепсы // Народы Европейской части СССР. Т. II. М., 1964. С. 372.

ижанда⁵⁵. Всё это вело к частым разделам больших семей. О существенном значении в разделах семей достатка и стремлении их членов жить отдельно свидетельствует рассказ бедного крестьянина из с. Исаево Чернослободской вол. Вытегорского р-на Олонецкой губ.: «Зажиточному да исправному хозяину и строиться, свадьбу ли сделать, сыновей ли разделить — *все легко, потому как «сыззаранья» все готово*, облажено, а у нас «нужда дело делает»: хоть и два брата жили мы вместе... да никак не могли мы собраться избы подрубить... а вот как нынче разделились, досталась мне эта изба... пришлось продать последнюю коровенку»⁵⁶.

Таким образом, анализ этнографических и лингвистических источников в свете современных теоретических разработок типологии семьи позволяет внести уточнения в терминологию и прежнее деление вепсских семей на «малые» и «большие». В источниках удалось обнаружить три типа семьи, существовавших у вепсов в конце XIX — начале XX в.: нуклеарная (малая) (фото 4), расширенная и составная (большая патриархальная), представляющие собой разные стадии в развитии семьи.

Фото 4. Малая семья. Ленинградская обл., Ефимовский р-н, Радогощинский с/с. Фото З. П. Малиновской, 1928 г. (Королькова А. В. Вепсы: фотографии и рукописи из собрания Российского этнографического музея. СПб., 2015. С. 118)

⁵⁵ Пименов В. В. Поездка к прионежским вепсам ... 1957. С. 160.

⁵⁶ Русские крестьяне ... 2008. С. 158.

Расширенная семья, состоящая из одной брачной пары и одинокого родителя, и составная семья, состоящая из двух брачных пар (родители и женатые дети), количественно могли равняться малой семье, но были трехпоколенными с прямой линией родства, связанной с обычаем минората. Разновидностью составной семьи была большая семья — многолюдная, с прямым и боковым родством двух и более брачных пар, в рассматриваемый период уже редко встречаемая. При этом рассмотренные в статье обычаи и обряды возникли в недрах составной семьи.

В целом, этнографические и лингвистические источники являются вспомогательными, указывающими только на существование названных типов семьи в обозначенный период, но не дающих четкого ответа на вопрос о преобладании того или иного типа. Ответ на этот вопрос могут дать только документальные источники массового характера (данные земской статистики, делопроизводство сельского самоуправления, дела волостных судов и др.), изучение которых предстоит предпринять в дальнейшем.

Список литературы

Винокурова, И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX — начало XX в.) / И.Ю. Винокурова. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 1996. — 140 с.

Винокурова, И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия / И. Ю. Винокурова. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2015. — 524 с.

Власова, И. В. Семья / И. В. Власова // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. — Москва : Наука, 1987. — С. 361–371.

Ганцкая, О. А. Семья: структура, функции, типы / О. А. Ганцкая // Советская этнография. 1984. № 6. — С. 16–28.

Голикова, С. В. Теоретические аспекты изучения семьи в научной литературе / С. В. Голикова // Документ. Архив. История. Современность. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2008. — Вып. 9. — С. 226–240.

Гура, А. В. Брак / А. В. Гура // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Москва : «Международные отношения», 1995. — Т. 1. — С. 244–250.

Зайцева, М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. — Ленинград : Наука, 1969. — 296 с.

Зайцева, М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. — Ленинград : Наука, 1972. — 746 с.

Королькова, Л. В. Вепсы: фотографии и рукописи из собрания Российского этнографического музея / Л. В. Королькова. — Санкт-Петербург : Ком. По местному самоупр., межнац. и межконфессиональным отношениям Ленинградской обл., 2015. — 235 с.

Ласлетт, П. Семья и домохозяйство: исторический подход / П. Ласлетт // Брачность, рождаемость, семья за три века. — Москва : Статистика, 1979. — С. 132–157.

Макарьев, С. А. Вепсы. Этнографический очерк / С. А. Макарьев. — Ленинград : Кирья, 1932. — 40 с.

Малиновская, З. П. Из материалов по этнографии вепсов / З. П. Малиновская // Западнофинский сборник. — Ленинград : Издательство АН СССР, 1930. — Вып. 16. — С. 163–200.

Миронов, Б. Н. Новая историческая демография Имперской России: Аналитический обзор современной литературы. Ч. III. / Б. Н. Миронов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. — 2007. — Вып. 3. — С. 3–28.

Муллонен, И. И. Ойконимия прионежских вепсов / И. И. Муллонен // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики. — Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1988. — С. 50–66.

Народы России: Атлас культур и религий / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Журавский, О. Е. Казьмина. — Москва : Феория, 2008. — 320 с.

Пименов, В. В. Поездка к прионежским вепсам / В.В. Пименов // Советская этнография. — 1957. — № 3. — С.158–163.

Пименов, В. В. Вепсы / В. В. Пименов // Народы Европейской части СССР. Москва : Наука, 1964. — Т. 2. — С. 364–376.

Пименов, В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры / В. В. Пименов. — Москва — Ленинград : Наука, 1965. — 262 с.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Том 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. — Санкт-Петербург : ООО «Деловая полиграфия», 2008. — 600 с.

Свечкарева, В. Р. Дихотомия Запад-Восток в контексте брачной морали / В. Р. Свечкарева // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2005. — № 5 (28). — С. 91–100.

Смирнов, И. Н. Дореволюционная марийская семья и ее быт / И. Н. Смирнов // Археология и этнография Марийского края. — Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 1991. — Вып. 20. Межэтнические связи населения Марийского края. — С. 94–122.

Строгальщикова, З. И. Материалы по родильной обрядности вепсов / З. И. Строгальщикова // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр, 1988. — С. 95–105.

Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман, М. А. Засецкая, Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, О. А. Красникова, А. И. Терюков и др. — Санкт-Петербург : Издательский дом «Инкери», 2017. — 656 с.

Itkonen, E. Suomen kielen etymologinen sanakirja / E. Itkonen, A. J. Joki, Y. H. Toivonen. — Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1958. — Osa 2. — S. 205–480.